

An illustration of a bookstore named 'Любовь и Вереск'. The storefront is dark blue with a sign above the entrance. A woman in a red sweater stands in the window on the left, holding books. A man in a brown jacket stands in the window on the right, looking towards the woman. The scene is decorated with potted plants and flowers.

ЛЮБОВЬ И ВЕРЕСК

Анастасия Таммен

АНАСТАСИЯ ТАММЕН

ЛЮБОВЬ И ВЕРЕСК

TREND
BOOKS

ГЛАВА 1

МЕЛАНИ «МЕДОВЫЙ ВИСКИ»

«ЕГО ГУБЫ со вкусом медового виски мягко касались моих. Он не пытался смять их, наброситься или искушать, нет, он узнавал меня, ласкал, трепетно любил и ждал, когда я ему отвечу».

— На этом все. «Американскую трагедию» Драйзера мы закончили, да?

Голос Оуэна вырвал меня из размышлений о шестой главе моей рукописи. Последние два года прошли за работой над черновиком современного любовного романа, и неделю назад мне удалось поставить точку. «Два языка любви» могли стать моим дебютом: трогательным, взбалмошным, романтическим. Если бы я не писала в стол. Никто, кроме моей лучшей подруги Линн, не знал о моих скромных писательских начинаниях. Я писала не для того, чтобы стать успешной или обзавестись поклонниками по всему миру. Мне было необходимо выплескивать свои потаенные желания на бумагу и проживать их вместе с героями.

— Следующим предлагаю Джека Лондона, — сказал Коллум, сидевший по правую руку от Оуэна. Из-за толстых минусовых стекол в очках его глаза казались маленькими, как две черные пуговицы. — Как насчет «Мартина Идена»?

Я едва подавила обреченный вздох. Да, это прекрасный роман, но, черт побери, существуют ведь и другие книги! Например, книги о любви.

— Отличная идея, да? — кивнул Оуэн, и светлый локон упал ему на лоб. — Одобряю.

Он хлопнул ладонями по коленям и привстал, тем самым завершая встречу. Оуэн считал себя негласным хозяином нашего книжного клуба. Раз в неделю мы встречались у него в кофейне, сдвигали деревянные столики, покрытые бело-синими, в цвет шотландского флага, клетчатыми скатертями, обсуждали книги и пили баснословно дорогой кофе за четыре фунта. Как постоянным участникам клуба он делал нам скидку в целых двадцать пенсов, но даже в этом случае я жалела, что нельзя заказать воду из-под крана.

— Предсказуемо, — выдохнула мисс Натали Маккартни, попытавшись замаскировать сказанное сухим покашливанием.

Одинокая пенсионерка была моей любимой соседкой. Она пекла потрясающие лимонные бисквиты, находила для всех доброе слово и в случае необходимости — пластыри. Натали дезинфицировала мои разбитые коленки, когда я училась кататься на велосипеде, но самое главное, не была ханжой. На прошлой неделе я продала ей все семь книг из нового цикла популярной писательницы Шэннон Лав, известной задорным повествованием и уймой постельных сцен. Я наклонилась к мисс Маккартни и прошептала:

— Вы бы тоже не отказались от любовного романа?

— Мелани, если бы я знала, чем еще заняться вечером, я бы здесь не сидела.

В Диорлине было мало развлечений. Чтобы провести вечер в компании других людей, приходилось либо играть в бильярд и пить пиво в пабе у Дэвида, либо торчать у Оуэна. Думаю, идея с книжным клубом пришла ему в голову не потому, что он любил читать, а

потому, что таким образом он мог завлечь посетителей, страдающих ревматизмом и предпочитающих безалкогольные напитки.

Я снова повернулась к Оуэну. Предлагать ему Шэннон Лав не имело смысла. Его выбор не пал бы на нее, даже если бы ее книги были единственными на земле. Стоило попробовать классическое произведение, которое облюбовали критики. Вообще-то, за последние пять лет, после истории с Кевином, я научилась быть тише воды ниже травы, всячески пряча от остальных то, что творится у меня на душе, но мисс Маккартни, сама того не ведая, придала мне сил.

— А может, возьмем «Унесенных ветром»? — спросила я.

— Ты предлагаешь читать про женщину, которая трижды выходила замуж ради денег? Прелестно. — Сьюзан источала сарказм.

Сухопарой блондинке с короткой стрижкой и генеральской выправкой было слегка за сорок, но выглядела она чуть ли не старше мисс Маккартни. Белая блузка висела на ней, как на вешалке. Низкие каблочки туфель недовольно постукивали под столом по деревянному полу. Своей пренебрежительной интонацией она даже признанную классику низводила до низкопробного бульварного чтива, хотя, на мой субъективный взгляд, на каждую книгу находилась свой читатель и ни один жанр нельзя было исключать просто по определению.

— Я предлагаю взять историю, где есть война, но в центре сюжета находится любовь. Разве в этом есть что-то зазорное? Почему мы не можем погрузиться в другой мир и влюбляться вместе с героями? Пропустить через себя все эти восхитительные события: первую встречу, первый взгляд, первое признание? Я искренне считаю, что любовные романы недооценивают. Они наполнены юмором, нежностью, застав-

ляют громко смеяться, а потом плакать от исцеления. Некоторые истории куда глубже, чем кажется. В конце концов, даже «Анна Каренина» Льва Толстого — на минуточку, известного мужчины-писателя — была для тех лет современным любовным романом.

— Нет уж, — покачала головой Сьюзан. — Я посмотрела фильм, мне хватило.

Я жала пальцами ремешки лежавшего на коленях рюкзака. Если Сьюзан узнает, что в нем находится моя рукопись, где герои не только признавались в любви, но и открыто предавались страсти, то у нее случится инфаркт.

Краем глаза я заметила, как мисс Маккартни понурилась голову. Она была на моей стороне, но не решалась открыто поддержать. Любое инакомыслие в нашем книжном клубе каралось исключением, а если ты одинокая старушка с вредным котом Бенедиктом, то точно не захочешь рисковать единственным более или менее интересным вечером в неделю. На самом деле мне тоже стоило помалкивать, ведь и я не могла похвастаться бурной личной жизнью, но, открыв ящик Пандоры, было сложно остановиться.

— Мы могли бы взять «Джейн Эйр», — предприняла я еще одну попытку.

Повисла пауза. Свое мнение не высказали только Майкл, двадцатипятилетний почтальон, и моя ровесница, двадцатитрехлетняя цветочница Лоис. И если Майкл всегда присоединялся к большинству, то Лоис была беззаветно влюблена в Оуэна, чем он без зазрения совести пользовался.

— Лоис? — Оуэн накрутил на палец ее темные волосы, собранные в низкий хвост.

— Я... — испуганно выдохнула Лоис, и ее щеки вспыхнули.

«Отодвинься от него!» — закричала я мысленно. Жена Оуэна месяц назад родила второго ребенка, а он

флиртовал с Лоис! Неужели думал, что никто этого не замечает? Как бы то ни было, все помалкивали. Первое правило нашего городка на четыре тысячи человек — женщин и мужчин тут судили по разным нравственным законам, и я знала это не понаслышке.

— Я за Джека Лондона, — наконец вымолвила Лоис, разглядывая сложенные на коленях руки.

— Отлично! — Оуэн с самодовольной улыбкой похлопал ее по плечу. — Все свободны! А, нет, подождите. Через неделю я уеду в Глазго на пару дней, а какое заседание клуба без меня, да? Поэтому предлагаю перенести нашу встречу на послезавтра.

Все кивнули, и после недолгого колебания я тоже.

— Прочитайте первые тридцать страниц. Вопросы для обсуждения я подготавливаю. Все свободны.

Мы высыпали на тихую улицу, как горох из пакета. Я направилась к аптеке. Ее окна напоминали мозаику, собранную из донышек зеленых бутылок. Перед входом стояли кадки с сиреневыми гортензиями. Над тяжелой массивной дверью красовался вставленный между серыми камнями кирпич с вытисненной на нем надписью: «Построено в 1630 году». Внутри пахло лекарствами и апельсинами.

— Мазь готова, — сообщила Гертруда, как только я переступила порог.

Сегодня цвет ее волос был розовым, как клубничная жвачка.

— Слава богу! Дедушка не спит уже несколько дней.

— Ревматизм — бессердечный спутник старости, — грустно пробормотала Гертруда, вытаскивая из-под прилавка бумажный пакетик. — В этот раз я увеличила дозировку. Если действие опять будет недостаточным, сразу скажи мне.

В качестве оплаты я протянула ей обернутую в газетную бумагу новую книгу Шэннон Лав. Гертруда

просила не афишировать, что она с удовольствием зачитывалась любовными романами.

Я спрятала мазь в рюкзак и снова вышла на улицу. Белые кеды мягко ступали по блестящей брусчатке. Теплый ветерок развеивал волосы. На часах восемь вечера, погода идеальная для лета в шотландском высокогорье, сейчас бы прогуляться или устроить пикник с Линн... Я быстро оттринула эти мысли и ускорила шаг. Дома дожидался дедушка.

Дойдя до конца улицы, я свернула направо и оказалась перед книжным магазином, который вот уже пять поколений принадлежал моей семье. На зеленой вывеске золотыми буквами было выведено: «Вереск и мед». Сто лет назад он был единственным книжным на многие мили вокруг. Со временем ничего не изменилось. Стало даже хуже: с появлением интернета люди предпочитали заказывать книги сразу на дом, и мы с дедушкой боролись за выживание, пока наши долги росли изо дня в день.

Я толкнула застекленную деревянную дверь и улыбнулась от одного только звона колокольчика над головой. Такой родной, ни с чем не сравнимый звук. Маленькой девочкой, прячась между высокими книжными стеллажами, я представляла, что нахожусь в волшебном лабиринте.

В лучах вечернего солнца перед витриной на деревянной жердочке серый попугай Фердинанд чистил свои перья. За прилавком сидел дедушка и рассматривал шахматную доску с партией, которую мы начали вчера вечером.

— Я могу съесть твоего коня, — довольно объявил он.

Я пошла к нему. Деревянные полы приятно поскрипывали под ногами, а воздух пах книгами и историями, среди которых я выросла. Я наклонилась и поцеловала дедушку в макушку. Серые волосы были мягкими и отливали былым золотом.

— Нет, не можешь. — Я указала пальцем на своего слона. — Если рискнешь, через три хода лишишься ферзя.

Дедушка еще ниже склонился над доской и поводил в воздухе пальцем, соединяя фигуры.

— Умно, — одобрительно хмыкнул он.

— Умно, умно, умно! — начал повторять Фердинанд своим скрипучим голосом.

— У меня самый лучший учитель. — Я взяла дедушку под локоть. — Пойдем, я провожу тебя наверх.

Он поднялся, стиснув зубы, чтобы заглушить болезненный стон. Я отодвинула тяжелую бархатную портьеру позади прилавка, и мы стали подниматься по лестнице, которая за ней притаилась. Каждая ступенька давалась дедушке с трудом. Мы не говорили об этом, но не за горами тот день, когда эта лестница станет для него неприступной. Про дом престарелых не могло идти и речи, но и снимать для него отдельную квартиру с лифтом или на первом этаже было невозможно. Мы едва сводили концы с концами.

На втором этаже находились кухня, ванная комната и две спальни, каждая размером с наперсток: дедушкина выходила во дворик за домом, а моя — на проезжую часть. Когда-то эту комнату я делила с мамой, пока она не сбегала, устав растить нежеланную дочь.

— Ты поужинал?

— Аппетита нет, — проворчал дедушка.

Я знала, что это значит: боль в суставах была слишком сильной. Проводив его до спальни, я достала из рюкзака пакетик с мазью.

— Если понадобится, зови.

Дедушка похлопал меня по руке. Я надеялась, что с мазью Гертруды ему наконец удастся выспаться. Я спустилась обратно в книжный, села на высокий стул за прилавком, отодвинула в сторону шахматную доску и вытащила из рюкзака потрепанную папку, которую

езде носила с собой. Хотя рукопись я напечатала на стареньком ноутбуке, заниматься редактурой было куда проще, видя весь текст целиком. Страницы были испещрены правкой, внесенной аккуратным почерком, стрелками и сердечками.

На мой взгляд, в романе существовали две главные проблемы: постельные сцены и описание Эрика, главного мужского персонажа. Мне хотелось создать идеального героя, но, сколько я ни старалась, сколько ни переписывала, ничего не получалось.

Я уже зачеркнула *«Его волосы цвета воронова крыла...»*, посчитав описание слишком избитым, и *«цвета соли с перцем»*, решив, что так он будет выглядеть пятидесятилетним вдовцом. Я даже подумывала сделать его блондином, но Эрику это совершенно не подходило.

Вечернюю тишину неожиданно разорвал оглушительный рев. От испуга я чуть не свалилась со стула. Фердинанд встрепенулся. Прямо перед витриной резко остановился огромный черный мотоцикл — явление настолько редкое в нашем городе, что я стала с огромным интересом разглядывать адскую штуковину и его водителя. Оба были покрыты пылью дальней дороги.

Водитель откинул подставку, сместив вес мотоцикла на одну сторону, перекинул ногу через сиденье и встал в полный рост на тротуаре. Он был облачен в узкие черные джинсы и черную куртку с объемными нашивками в районе плеч и локтей. Лицо скрывал черный шлем, но это точно был мужчина, судя по его телосложению.

Стоя к окну спиной, он стянул черные перчатки и обхватил шлем руками. Я задержала дыхание, со странным волнением предвкушая момент, когда увижу его лицо. В следующую секунду моему взору открылись короткие огненно-рыжие волосы. Настоящее пламя, прикоснись к нему — и обожжешься.

Водитель взял шлем под мышку и повернулся. У него было красивое лицо с правильными чертами, высокий

лоб и точеные скулы, покрытые рыжей щетиной. Ему было лет двадцать пять, и он абсолютно точно приехал сюда издалека: ни в Диорлине, ни в окрестностях не было настолько красивых мужчин.

Он открыл дверь и зашел в книжный магазин под звон колокольчика. Может, потерялся в нашем высокогорье и хотел узнать дорогу обратно в Глазго? Стремительная походка и самоуверенный прищур глаз выдавали в нем жителя большого города.

Фердинанд вытянул шею и распушил перья, провожая мужчину взглядом. Тот заполнял собой все пространство. Книжные стеллажи будто сдвинулись, стены и потолок сжались, а в центре в ореоле солнечного света находился он. Я тоже разглядывала его: широкие плечи, плоский живот, узкие бедра и длинные ноги, а еще гигантские белые кеды. Что там говорили про большой размер ноги?

— Привет! — сказал он с неожиданным английским акцентом, остановившись перед прилавком.

Я подняла голову и посмотрела ему в глаза. Они оказались цвета свежей травы после дождя: ярко-зеленые, чистые, сверкающие.

— У вас же еще открыто, да? — спросил незнакомец, оглядываясь по сторонам.

Несмотря на сомнение в голосе, его речь звучала раза в два быстрее, чем у любого местного.

— Мы открыты двадцать четыре на семь.

Большинство лавочек в городе закрывалось ровно в восемнадцать ноль-ноль. Владельцы и работники спешили домой, к своим семьям. Для нас же с дедушкой книги и были семьей. Ко всему прочему, возможность заскочить и купить книгу практически в любое время дня и ночи помогала нам в неравной борьбе с «Амазоном». Чего только не сделаешь, чтобы удержаться на плаву.

Мужчина расплылся в улыбке, способной растопить лед в Антарктике и послужить причиной мирового пота:

— Я звонил пару дней назад и просил отложить книгу «Лев, колдунья и платяной шкаф». Издание девяносто восьмого года. На имя Джейми Маккензи. У меня нет куар-кода или подтверждения о заказе. — Он задумчиво почесал подбородок. — Я говорил с хозяином книжного, Ричардом Уайтом.

— О! Это мой дедушка! Он рассказывал про тебя!

Я молниеносно вскочила со стула и принялась выдвигать под прилавком один ящик за другим, пытаюсь вспомнить, куда дедушка положил книгу, за которую выторговал целых триста фунтов. По нынешним временам — и в нашем финансовом положении — целое состояние! Это было самое обычное издание, хотя и в очень хорошем состоянии, оно давно стояло у нас на полках, не привлекая внимания покупателей.

Пока я копошилась в верхнем ящике, Джейми положил черный шлем рядом с раскрытой папкой и оперся локтями на прилавок. Моя писанина оказалась у него прямо под носом. Паника прострелила насквозь. Я стремительно выпрямилась и захлопнула папку. Живот скрутило от волнения, а на лбу мгновенно выступил пот.

— С тобой все в порядке? Выглядишь так, будто вот-вот хлопнешься в обморок, — нахмурился Джейми. — Если дедушка заставляет тебя работать круглые сутки, то моргни два раза. Я похищу тебя и увезу в Лондон.

Я отрицательно замотала головой, мысленно отметив тот факт, что он не просто из большого города типа Глазго. Джейми приехал из столицы Великобритании. Нас туда даже на школьную экскурсию не возили. Как же его занесло в нашу глухомань?

Джейми оглянулся по сторонам и еще сильнее нахмурился:

— У меня в кофре бутылка с водой. Присядь, я сейчас принесу.

Когда через минуту он впихнул мне в руки стеклянную бутылку, я послушно выпила последнюю треть,

даже не задумываясь о том, что ранее к этому горлышку прикасались его губы. Не такие пухлые, как у Оуэна, казавшиеся женственными, и не такие узкие, как у педанта Коллума. Желудок успокоился, а легкое головокружение прошло. Может, причиной недомогания была не паника, а тот факт, что вместо ужина я выпила только одну, чересчур дорогую чашку кофе?

Я подняла пустую бутылку и посмотрела сквозь стекло на Джейми:

— Я сейчас поднимусь на второй этаж и снова наполню бутылку. Только воды с газом у нас нет. Из-под крана пойдет?

— Сиди, — отмахнулся Джейми. — Как тебя зовут?

— Мелани Уайт.

— Приятно познакомиться.

Ни с того ни с сего Фердинанд заголосил одну из своих любимых песен Уитни Хьюстон:

— «And I will always love you-u-u-u».

Джейми порывисто обернулся:

— Это что, жак? — Он приблизился к попугаю на несколько шагов. — Сколько ему?

— Фердинанд о-о-очень красивый и умный, — зачирикал попугай в ответ. — Подойти поближе. Куши книги. И я буду любить тебя вечно-о-о-о.

Воспользовавшись моментом, я быстро спрятала рукопись в рюкзак, открыла самый нижний ящик под прилавком, в который не успела заглянуть до этого, и наконец нашла первую книгу «Хроник Нарнии».

— Ему пятьдесят четыре, — отозвалась я.

— Солидный возраст. А разве жакко не нужно держать парами?

— Нужно, ты прав, но в прошлом году умерла его попугайха Маргарет. Они были вместе больше сорока лет. Я думала, он будет скучать, но все оказалось наоборот. Три дня он летал по книжному и кричал: «Фердинанд наконец свободный попугай». — Я постаралась

передать интонацию жако. — Маргарет была дамой с характером: постоянно выдирала ему перья, сильно клевала и отнимала еду. Похоже, одному ему лучше.

— Как и большинству из нас, — хмыкнул Джейми.

Я не знала, что на это ответить, поэтому вернулась к причине его появления в книжном:

— «Хроники Нарнии» не самый частый запрос среди парней.

— Это для сестренки, ее любимая книга, — ответил Джейми, продолжая рассматривать попугая и качать головой с ним в такт. — Оливия все детство просидела в шкафу, надеясь попасть в Нарнию и победить Белую колдунью.

Я подошла к глиняной вазе, чтобы взять из нее подарочную бумагу для девочки, которая вместо игр в куклы мечтала спасти целый мир:

— Какой у нее любимый цвет?

— Разноцветный. Чем ярче, тем лучше.

Я вернулась к прилавку с рулоном золотой бумаги, отрезала кусок и принялась заворачивать книгу. Сделала сверху объемный веер из бумаги, добавила шарик бронзового цвета и завязала красную ленточку бантиком:

— Готово.

Джейми наконец оторвался от попугая и подошел ко мне. Я протянула сверток, но отпускать не спешила. Неприятный холодок проскользнул вниз по спине. Вновь проснулось укрепившееся недоверие к мужчинам. Вдруг Джейми специально притворился милым, чтобы сбить оговоренную сумму?

— Триста фунтов, — твердо произнесла я.

Нам нужны эти деньги, все, до последнего пенса. На них я смогу целых два месяца покупать продукты.

Джейми без раздумий достал из нагрудного кармана куртки портмоне и положил на прилавок шесть пятидесятифунтовых купюр. Глянул на броскую упаковку и добавил еще двадцатку:

— Спасибо.

Он забрал книгу и шлем, подмигнул мне и покинул книжный магазин так же быстро, как ворвался в него. Я провожала его взглядом до того момента, пока мотоцикл с лвиным рыком не скрылся из виду. Книжный вдруг показался мне слишком темным и тихим. Что за чертовщина?

